

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

РЕВОЛЮЦИЯ

Тише рыбьего дыханья,
Легче трепета ресниц —
Скорой смерти ожиданье
Сходит с блоковских страниц...
А вокруг всё лица, лица
С волосами до земли,
Журавлиные синицы
И синичьи журавли
На златом крыльце сидели
(Здесь зачеркнуто)... Гляди
На бушлаты и шинели!
Хлеба дайте! Проходи!
Робы, блузы, платья, спины,
Маски, кепки, колпаки,
Свечи, фонари, лучины,
Проститутки, кабаки...
Кто поет, кто матерится —
Власть издохла! Вот те на!
Тут — шампанское искрится,
Там — штыки и стремяна...
Карнавал! Гуляй, людишки!
День последний! Судный день!
Ничего теперь не слишком!
Никому сейчас не лень!
Отойти! Остановиться!
Руки разбросать! Не тронь!
Вера — счастье несчастливцев —
Всех в огонь!

ВСЕВОЛОЖСК

В Петербурге весна! А за городом синяя вьюга
Вдоль железной дороги припудрила мусор и хлам.
Словно в море киты, электрички находят друг друга,
Чтобы вновь разойтись по своим неотложным делам.

Владимир Иванович Шемшученко родился в 1956 году в Караганде. Окончил Киевский политехнический, Норильский индустриальный, а также Литературный институт им. А. М. Горького. Работал в Заполярье и Казахстане. Автор пятнадцати поэтических книг. Член СП. Живет в г. Всеволожске (Ленинградская область).

Дремлет мой городок, чуть примяв снеговую перину,
Памятуя о том, что цыган уже шубу продал.
За окошком коты разорались и выгнули спины...
Сон куда-то ушел, да и снег моросить перестал.

Предвкушаю балет на поставленной летней резине...
По прогнозам — не день, а жестянщика месяц грядет.
Телевизор пугает дырой в продуктовой корзине.
В Петербурге весна! А у нас — снег, апрель, гололед.

Вот такие дела... Хоть хихикай, хоть плачься в жилетку
(Видно, все же старею — разнылся, как ветер в трубе).
Значит, время пришло позабавиться русской рулеткой —
Прогреваю мотор. Выезжаю навстречу судьбе...

РЕЧКА

Осязаемо, грубо, зримо,
Разбивая в щепу стволы,
Мимо скал, поселений мимо,
Завязав ручейки в узлы,
Раня пальцы о край небосвода
(Зачерпни — обожжешь лицо!),
Сквозь закаты и сквозь восходы,
Сквозь сознание — в конце концов! —
Как с мальчишкой, со мной играя
(Вся полет — боль ее легка!),
Ускользает, смеясь, босая —
Неслучившаяся строка...

* * *

Художник поставит мольберт,
И краски разложит, и кисти,
А я — двадцать пять сигарет
И с ветки сорвавшийся листик.

Мы будем сидеть vis-à-vis,
Пока не опустится темень,
И ради надмирной любви
Пространство раздвинем и время.

Мы станем глядеть в никуда
И думать о чем-то неважном —
Сквозь нас проплывут господа
В пролетках и экипажах,

Улыбки сиятельных дам,
Смешки, шепотки одобренья...
Последним проедет жандарм,
Обдав нас потоком презренья.

А ночью в дрянном кабаке,
Где слухи роятся, как мухи,
Он — в красках, я — в рваной строке,
Хлебнем модернистской сивухи,

Забудем, что есть тормоза,
Сдавая на зрелось экзамен,
И многое сможем сказать
Незрячими злыми глазами.

И к нам из забытых времен,
Из морока рвани и пьяни
Подсядут: художник Вийон
И первый поэт Модильяни.

* * *

Словцо новомодное — «жесть» —
Бесславно ржавеет на крыше.
Деревья стоят неглиже
(Кто хочет, пусть лучше напишет)...

Ноябрь на исходе, а тут —
Ни льдинки тебе, ни снежинки,
Но верят, надеются, ждут
Мои меховые ботинки...

Погодка — на вес мышьяка
(Хоть пой лебединую песню).
Приятно глядеть свысока,
Но снизу — куда интересней...

Строка — превосходная цепь!
(И сыщется вряд ли другая.)
Укушенных музой цеце
На премии не выдвигают!

* * *

Ноябрь совсем одекабрел —
В Неву вморозил сухогрузы.
Сменив колготки на рейтузы,
По набережным бродят музы
С щеками белыми, как мел.

Дрожат бетонные быки,
С мостов роняя хлопья снега.
Поземка в поисках ночлега
Берет преграды без разбега
И обживает чердаки.

И некого задеть плечом,
И провода звенят на Невском.
А вдалеке за перелеском
Морозец — с щелканьем и треском! —
Звезду целует горячо.

Визжит сквозняк, прижатый дверью, —
Бомжей выводят из метро —
На лицах тает серебро,
Добро рифмуется с зеро...
И крикнуть хочется: «Не верю!»